

ДИРАС КЕНТАВР

Халудорова А.Э.

Нежные руки, касающиеся моей головы и успокоивающие ее после тяжелого боя, исчезли. Шум, грохот, крики покинули меня. Боль в плече усилилась и исчезла. Исчезло все.

Когда я понял, что больше не нахожусь на поле битвы, то успокоился. Больше нет нужды волноваться за свой отряд. Но, услышав буквально ничего, я подскочил на месте и больно ударился головой. Глаза мои были открыты, но видел я одну лишь тьму. Руками я нащупал гладкие стены, постучав копытом, понял, что стены из камня.

На мои крики пришел свет. Яркий, словно не ото огня, он ослепил мои глаза. Воины, державшие свет, посмеялись надо мной и провели через ворота в камне. Мы оказались в большой комнате, будто шалаше с открытой крышей.

- Какой год? спросили они у меня.Имя?
- Третья луна этого года. Меня зовут Дирас, я из Северного ополчения. Скажите, что случилось? Мы проиграли? Меня ранили, я, видимо, потерял сознание...

Но в ответ – лишь удар под ребра и крик. Эти люди в форме белых воинов вели меня по длинному коридору, по стенам которого вились щели, издававшие звуки. Некоторые даже говорили.

- Мы нашли его в сто пятой, они привели меня к барной стойке, за которой сидела женщина в черной одежде, неудобной на вид. Родился в первый раз.
- Имя Дирас Северный, она взяла в руки тонкий черный ящик, постучала по нему длинными пальцами с краснотой на ногтях. Книга «Галопирующее разочарование». Написан вьетнамским мужчиной, имеет тираж в сто книг. Кентавр тридцати лет, умер на последних строчках. Главный герой, положительный. Владеет холодным оружием.
- Ну, пошли, друг, один из военов ухмыльнулся, толкнув меня в круп. У тебя есть шанс стать популярным. Но особо не надейся, ты в Фэнтэзи.

А после... меня «обследовали», провели какие-то «тесты» и через несколько дней объяснили происходящее. Мне сказали, что я, предводитель отряда северных кентавров, являюсь литературным (что это?) персонажем (что?) своей книги и теперь могу жить, не завися от чьего-либо пера.

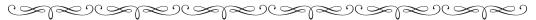
Меня поместили в общую камеру, где жили шесть обязательно разных существ. В тесной комнатке проживали фея, маг, оборотень, гоблин и я, занимающий два места. Вообще, кентавры здесь были редкостью, поэтому обращались со мной бережнее, чем с другими.

Полгода я провел в Тюрьме им. Родиона Раскольникова, изучая все премудрости жизни литературных людей. Познавал бытовые предметы вроде вилок, ноутбуков. Начальство тюрьмы было недовольно моим обучением – моя судьба была другой – учиться работе на компьютере мне не было нужно. И они были правы.

Спустя несколько лун меня выпустили из тюрьмы, направив работать на каменоломлю Дубровского. Там условия жизни были не то что хуже, чем в камере, а во много раз хуже. Под палящими лучами солнца, в зной, два года, я работал, ломая камни и перенося их. Мой рост составлял три метра – мужем я считался в своей книге самым крупным, от того меня и выбрали вожаком. Но именно из-за роста мне приходилось хуже остальных – я глубоко нагибался, и в таком положении перетаскивал камень.

Почему, спросите вы, Дубровский (кто это для вас, я не знаю, но для меня – хозяин) не использует машинную технику или не даст рабочим орудия труда вроде тележек? А потому, что машин подобных не существовало, тележками пользовались другие люди, чья ноша была многочисленнее и мельче моей. Да и дешевый труд в виде нас никого не напрягал.

Мы жили в бараках. Люди, работающие здесь, были заключенными, то есть их осудили и теперь они отрабатывали

свои преступления. Другие существа, вроде меня, были направлены сюда губернатором – так он распределил нас, ведь кроме физической работы ни на что другое мы не годились. Хотя, как потом я узнал, годились.

Два долгих года. Два года я таскал камни, надрываясь и страдая. Спины мои болели, я не мог разогнуться. Колени мои дрожали и ныли, а ребра, и верхние, и нижние, хрустели при малейшем движении. Руки вытянулись и мелкая моторика потерялась. Держать что-то мелкое я более способен не был.

Но однажды я вырвался из этого ада, сбежав через забор. Просто перепрыгнул двухметровый барак и оказался на свободе. Долго радоваться не пришлось меня поймали через пару дней и определили на новое место работы – в новый цирк Ледовски, в столицу Романа.

Ох, как же мне туго пришлось во время путешествия! Восемь дней, на одной воде, в дневной жаре и ночном холоде, я трясся в торговом поезде, где помимо меня были только мешки с углем и камнем. А те часы, что я провел на улицах города, не передать словами: настолько противоречивы были мои действия и люди вокруг меня, да и чувства тоже.

В самом цирке, этаком раскрашенном здании на каменной основе, меня загнали в клетку, десять на десять метров, назвав то место «дом».

– Умеешь жонглировать? – я отрицательно покачал головой. – А если мечами? – откуда я буду уметь это делать? – Огненными?

Неужели не понятно, что такой искусной работы я делать не умею? С момента своего рождения я только и делал, что учился держать самые обыкновенные вещи и ломать в нужных местах камни.

- Не умею.
- Научим! молодая девушка в белом костюме, чистая и очень красивая, взмахнула рукой с рупором и крикнула. – Несите плеть и мечи! – а потом, уже обращаясь ко мне, со сладкой улыбкой сказала. – Для начала научу тебя самому простому, а там как пойдет. Только учти – за каждую ошибку полагается на-

Принесли длинную стальную, тонкую и страшную, знакомую всем рабам, метровую плеть, взмах которой сулил боль. Сердце на миг остановилось. Что? Я... меня... я не смогу!

Но едва я попытался сказать что-то в ответ, как девушка со всей силы пнула прутья, считавшиеся моими стенами. Лязг металла заставил суетливых циркачей остановиться в страхе.

– Запомни, кентавр Дирас, – она запрокинула голову, чтобы смотреть мне прямо в глаза. - Отныне твоя судьба вот в этих руках, - она продемонстрировала мне свои руки, высоко подняв. - Если ты до сих пор не понял, то поясню - я твоя хозяйка. Мой муж, видный персонаж этого города, купил тебя. И ничего твоего в тебе больше нет. Ни в ком из вас! - крикнула она, повернувшись. Вы – моя собственность! А сейчас начнем урок, моя милая лошадка.

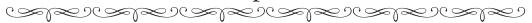
Честно, никогда в жизни я не держал в руках меча. Холодное оружие моего мира было иным, более массивным или гибким. А тут... лезвием являлась также и рукоять. Я изранил руки в мясо. Следующие недели мои человеческие спину и живот Лис, хозяйка цирка, исполосовала плетью, показывала на мне новые трюки. Чтобы не шокировать людей на выступлении, мое тело

покрыли татуировками.

К началу «благотворительных вечеров» я почти освоил искусство жонглирования горящими мечами. Я мог перебрасываться ими с акробатами и канатоходцем, но лучше всего мне удавались приемы, названные «невидимостью». Я делал так, чтобы люди, сидящие на определенных местах, не видели меча, только огонь, и наоборот. В удачные моменты удавалось избавиться и от того, и от другого. Как? Ловкость рук, не более.

А однажды я встретился со своим настоящим хозяином, тем, кто готовился стать мэром Романа, Лемом Ледовски. Вообще, я ожидал увидеть мужчину почтенного возраста, чьи волосы тронула седина, и в чьих глазах плескалась бы мудрость и понимание, а не... это.

Я тренировался после очередного вечера. Хозяйка пригласила хозяина на ночь – я слышал, будто ему скучно вечерами, когда нет жизни, и поэтому мы должны были развлечь его своей обычной жизнью за кулисами.

Я с нетерпением ждал, когда же на балконе появится Лем. Наконец я смогу увидеть того, кто обрек меня на эти муки. На того, кто готовился стать главой моего жанра.

– Кто он? – он кивнул на меня. – Почему не убирает арену? Вроде не новичок.

Как же я его не заметил? Пропустил во время броска?

Поднимаю голову, щурюсь. В полутьме разглядываю молодого парня, лет двадцати, от которого даже на расстоянии ста метров веяло силой. Разглядеть я его, правда, смог только на последующих выступлениях.

Бледный, с какими-то непривычными чертами лица, парень наводил страх проницательным взглядом светло-голубых глаз. Темные волосы вились до небольших ушей, а дальше следовал выбритый затылок, переходящий в чистую, не тронутую шрамами, шею. И почти всегда на Леме красовался деловой костюм с иголочки. Бордовый, серый, черный... и всегда – с белой рубашкой. Но больше всего в хозяине цирка меня привлекала улыбка. Безмятежная, совсем детская, полная радости или милого неосознания реальности.

Этот человек не мог быть мэром города – думал я. Но, как оказалось, мог. Более того, за него проголосовало абсолютное большинство жителей!

Этот мир нуждался в переосмыслении своих ценностей. Как... кто мог вообще позволить этому пареньку стать главой огромного города? Кто?! Тираж. Популярность. Деньги.

«Мне кажется, он слишком молод для места главы. Популярный, но глупый. И все равно, что из Детектива. Лем Ледовски – это исключение из всех канонов, ходячая ошибка системы.»

Эти слова! Эти слова были сказаны моими коллегами чертовски правильно. Исключение – вот чем являлся Лем Ледовски. Персонаж, который уже давно должен был стать обычным рядовым.

Год. Год мы готовили восстание. Шептались за сценой, говорили, когда чистили арены, переглядывались на выступлениях в особенно страшные моменты. Думаете, есть в мире что-нибудь страшнее момента, когда голодный бык в ярости несется на тебя, получеловека, у которого вновь сожжены и изранены

руки, и поэтому у тебя нет малейшего шанса на победу? Но я побеждал. Раз за разом. День за днем.

Но однажды это прекратилось. Мы подожгли репетиционные, уничтожили арены под зданием, вызвали обрушение потолков в ходах-выходах. Мы, тридцать волшебных циркачей, голыми руками убили все начальство, оставив лишь сладкую парочку Ледовски.

Лис, девушка с лицом ангела и жестоким характером захлебывалась слезами и вырывалась, пыталась сбежать, но получала лишь порцию слабых ударов своей же плети.

– Ты чувствуешь боль от своей третьей руки?

Когда мы загнали в угол и Лема, он обратился ко мне.

– Успокойтесь! Давайте все уладим спокойно? Что конкретно вам нужно? И для начала, с кем мне вести переговоры? Так, давайте, вот с ним. Как тебя зовут?

Ха, он не знал даже моего имени. Что же, поиграем.

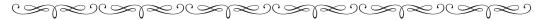
- На мне выжжено мое имя, сказал
 я. Акробатки-феечки захихикали
- Это китайский, скорее всего диалект, он улыбнулся. Вновь. Той самой глупой улыбкой. Скажи в устной форме, я запомню.
- Дирас! я гордо выпрямил спину и вскинул подбородок. Я кентавр Севера!

Неплохо бы вспомнить свой канон. По крайней мере, его часть. Как жаль, что уже многого не помню.

– Это ваш канон? – Лем балансирует на грани. Еще чуть-чуть и я метну в него меч. – Дирас Северный, призываю вас остановиться! Моя жена смертная, она не перенесет такой нагрузки!

Персонажи Фэнтэзи вокруг меня оскалились, подошли ближе. Они боялись неизвестно чего. Может, нападения?

- Почему вы такие... популярные? мое лицо исказилось мученической гримасой. Я долго над этим думал пришла пора сказать это. Чем мы хуже вас? толпа закивала. Лем озадаченно наклонил голову. Даже после конца своих книг мы продолжаем быть массовкой для вас, популярных, нет, даже популярнейших! Поделись с нами своей жизнью, Лем Ледовски.
- Что вы хотите? он смотрел прямо мне в глаза своим пронизывающим хо-

лодным взглядом. – Я дам вам, что требуется.

- Всего лишь равноправия, ребенок в медицинской маске, бессмертный старичок-маг, стоял на канатах, рядом с Лемом, он и говорил. Но его нет и не было ни в реальности, ни тут. То, чего мы хотим, загадать тебе нельзя.
- Так что? Равноправие? уточнил Ледовски, все так же улыбаясь.
- Нет, отдай нам право на владение цирком. Мы хотим свободы!

А дальше... разговоры про любовь. Бывший хозяин кичился бессмертием и чуть ли не указывал убить Лис. Я принимал в том действии большое участие, но описать это... нет никакого желания. Я стыжусь своих действий и слов. Я хотел убить человека. Живого персонажа, который не проснулся бы потом в тюрьме РР.

К сожалению, наш бунт не увенчался успехом. Меня посадили в тюрьму, других убили. Как зачинщика меня стоило изучить, хорошенько потрепать, чтобы в следующей жизни, после мучительной смерти, я проснулся как новенький, как в первый раз. Только вот... канона я не вспомню все так же, да и ничего не вспомню другого.

Последнее, что я помнил, так это боль, которую я испытывал три года в тюрьме РР. В самой страшной и незаконной – тюрьме Фэнтэзи.

Проснулся я в окружении людей в белой форме. Они проверяли мой пульс и дыхание, делали метки. После осмотра себя и помещения, я понял, что нахожусь в камере. Было ощущение, что я спал, и только вот проснулся.

Следующие года я проведу в полном одиночестве, работая на каменоломле и позже в цирке. Не будет сильной боли, только непонятная телу ностальгия. Может в своей книге я тоже таскал камни и фехтовал?

Всю свою короткую жизнь я буду вспоминать свое рождение, или, как сказали те люди, пробуждение. Странно, все знакомые мне люди рождаются, а я... проснулся.

Останется во мне чувство страха, не будет покоя. Я буду бояться каждого громкого звука и бранного слова. Не возникло у меня желания дальше развиваться, что-то делать, кроме бросать огненные мечи. Не будет и разговоров с коллегами, начальством. Только уважение и поклон с моей стороны, и интерес и тревога с другой.

Закончу свою жизнь я на тренировочной арене, под палящим душу взглядом хозяина, не имея никакого понятия ни о себе, ни о жизни.

Республика Бурятия, пос. Онохой, МБОУ «Онохойская СОШ № 2», 11 класс

